



Каталонский джаз-маг

(Памяти Тете Монтюлиу)

Книга Джеймса Коллиера, знаменитого американского эксперта, увы, ничего не расскажет вам о европейском джазе. И о европейском джазовом пианисте тоже. Американцы упрямо считают свой джаз — как и все американское — лучшим в мире, отказывая себе в праве на ошибку. Да, джаз рожден в Америке. Но параллельно в американской эволюционировали и европейские джазовые школы, выдвинувшие многих великих музыкантов.

Испанию принято считать европейской джазовой обочиной. Жанр не привился там исторически, даже по сравнению с иберийским соседом — Португалией. Другое дело Каталония, автономная историческая область испанского королевства, по сути страна в стране. Там джаз угнездился истари. Но лишь один джазмен прославил ее на весь мир.

Тете Висенс Монтюлиу родился в Барселоне в 1933 году. Обычно этого музыканта ставят в ряд с великими соотечественниками, выходцами из Каталонии. Монсеррат Кабалье, Мануэль Серрат, Пау Казальс, Алисия де Ляроуча... И, конечно, композиторы-классики Исаак Альбенис и Энрике Гранадо...

Этнические особенности Каталонии, влияние на нее близкой Франции, мягкий климат и богатство мелодий — все это сказалось в судьбе и стиле Монтюлиу, его джазовом почерке, самобытном, но при этом доступном и для массового джаз-фэна, ценящего прямолинейность и искренность. Наверное, в этом корни его небывалой популярности в джазовом мире США.

Когда-то Гарсия Лорка в своих эссе об искусстве отмечал влияние арабо-мавританской культуры на андалузскую музыку, что сильно отличает ее от каталонской кантленности, даже меланхоличности... С этими красками и ароматами каталонского фольклора Монтюлиу удалось "скрестить" все лучшее, воспринятое им из американского джаза.

Барселона — перекресток Южной Европы с давними фестивальными традициями, в том числе и джазовыми. Здесь множество музыкальных центров, объединений, институтов и организаций. Барселона — это и центр авангардного, экспериментального искусства, полигон испытания на выносливость самых отчаянных музыкантов, выступающих на ежегодном джаз-фестивале, который длится целый месяц и скоро отметит

свой тридцатилетний юбилей. Недавно в Барселоне вышла книга каталонского исследователя джаза Альфредо Папо под названием "Каталонский джаз". Увы, но как испанский, так и каталонский джаз для "широкого мира" — неведомое искусство...

Тем не менее уже 20 лет Монтюлиу неизменно ставят в первую шеренгу джазменов-пианистов мира. Он — единственный европеец, который, несмотря на всю свою фольклорность, куда более "американский" (если не по духу, то по манере), чем другие корифеи евроджазопианизма. Творчество Марселя Солалы (дважды гастролировавшего у нас), Йоахима Кюна, Бенгта Хальберга, Яна Йоханссона гораздо сильнее "просеяно" сквозь академическую европейскую фортепианную традицию. Этим маэстро джаза Америка

как бы не замечала и не замечает, лишь милостливо позволяя им "понежиться" в тени ее джазового величия. На их фоне Монтюлиу — феномен. Не изменяя родной Каталонии, он сумел органично вписаться в американскую традицию экстравертного, напористого, порой прослоенного горечью блюза пианиста. Уинтон Келли, Оскар Питерсон, Томми Фланаган, Хэнк Джонс и, в первую очередь, Арт Тейтум и Телониус Монк были кумирами Тете с юных лет. Когда слушаешь Монтюлиу, то невольно ловишь себя на мысли, что черты их просвечивают через его собственный звуковой мир: "Смотрите, вот они, мои учителя!". Разгадка его продолжительного успеха и в том, что он не носился со своей каталонской "самостью", был творчески скромным, и, уважая джазовую школу, любил национальную культуру, свой народ. Слепой от рождения, он острее ощущал свою сопричастность печали, горю, и, наверное, поэтому чаще других европейцев играл блюзы, причем с драматическим накалом. "Я считаю себя черным музыкантом", — порой говорил он, отдавая дань великому белому Биллу Эвансу...

Тете вырос в музыкальной семье. Его отец играл на духовых инструментах в симфонических оркестрах, подрабатывая в эстрадных. Но вкус к джазу привила ребенку мать, покупая пластинки и слушая их дома. Уже в четыре года Тете импровизировал на рояле, в 1946 году, тринадцатилетним, поступил в Барселонскую консерваторию, которую и закончил с отличием. Начался послевоенный джазовый бум. Большинство американских джазменов предпочитали селиться в мекках джаза — Париже или Копенгагене. Но некоторые выбирали Барселону. Одним из них был знаменитый саксофонист, обожатель пиринейского фольклора Дон Байес. Поселившись в Барсе в 46-м и заметив тогда еще юное дарование, он многое дал Тете. Вскоре Монтюлиу начинал выступать на местных сценах. А в 55-м произошло чудо. Игрый Тете в Барселоне восхитился сам Лайонел Хэмптон, колесивший тогда по Европе, и прихватил каталонца с собой, в дальнейшие гастроли. Славное будущее было Тете уже обеспечено...

В то, да и в более позднее время только двух европейских пианистов можно было сравнить с Монтюлиу по благополучности и стремительности карьеры: Джорджа Ширинга (Англия) и Адама Маковича (Польша)... С 1955 по 1967 год

Тете записывался и гастролировал с Беном Уэбстером, Стефаном Граппелли, Декстером Гордоном, Роландом Керком, Лакки Томпсоном, Артом Фармером и другими светилами, не забывая записываться и в трио. Первый "лонгплэй" под его именем вышел в 1958 году. Самым продолжительным было сотрудничество с датским контрабасистом Н. Х.-О. Педерсеном и американским тенор-саксофонистом Д. Гордоном.

В 1967-м он впервые приехал в США, в Нью-Йорк, в составе каталонской делегации, отправленной по инициативе Торговой палаты Испании. Туда входили Монсеррат Кабалье, знаменитая эстрадная и джазовая певица Нурия Фелиу, другие каталонские звезды. В Нью-Йорке Тете предложили сформировать трио и выступить. В партнерстве себе он выбрал басиста Ричарда Дэйвиса и ударника Элвина Джонса. Выступили удачно, но, к сожалению, фонограмма не вышла. К тому времени Монтюлиу записал уже около 20 дисков, в основном трио и с квартетом Декстера Гордона.

В 69-м Тете экспериментировал с формой "свободного высказывания", записав тридцатиминутную сюиту Leine Jazz, полную контрастов, динамических сдвигов и священных пустот-пауз. Впрочем, даже в этом фри-джазовом опусе Тете далек от формализма, которым часто грешили некоторые музыканты, стремясь пережеглотать друг друга в оригинальности. Это произведение глубоко, полно нюансов, все новаторские для того времени приемы использованы со вкусом, осторожно. Сюита по настроению напоминает трио с двумя контрабасами французца Солалы. Двумя годами позже в личной жизни Тете произошла трагедия, едва не закончившаяся самоубийством. Однако пианист сумел преодолеть депрессию, пойдя в студию и записав изумительную пластинку баллад, блюзов и эвергинов — цикл Recordando a Line (Лина — девушка-датчанка, с которой у Тете произошла тяжелая размолвка). Тема любви в дальнейшем проходит через все творчество музыканта...

Просматривая его дискографию, насчитывающую более сотни лонгплэев и компакт-дисков — за сорок лет работы в студиях, концертных залах и клубах, дивясь широте его творческого диапазона и демократизму. Среди партнеров Монтюлиу — не только "сильные джаза сего", но и никому не известная талантливая испанская молодежь. Самым интересным, пожалуй, является опыт его совместного выступления с "барселонским соловьем" Мануэлем Серратом, который более известен в России как "эстрадный испанский певец". Самая последняя работа Тете в грамзаписи — джазовые интерпретации его песен.

Уже в конце 70-х годов Тете Монтюлиу становится абсолютным лидером среди европейских пианистов по хождению своих записей в мире. Ведущий тогда джазовый журнал "Даунбит" пестрит четырех-пятизвездочными рецензиями на его диски, что для того времени было редкой удачей для европейского джазмена. (Рецензии на европейские джазовые пластинки в США стали нормой лишь со второй половины 80-х, когда там была налажена мощная дистрибуционная сеть для евроджазпродукции). Вот что писал в "Даунбите" критик Фред Бушар о сольном Тете Монтюлиу "Ланч в Лос-Анджелесе" и его же трио "Поговорим о тебе" в начале 1981 года: "Этот восхитительный, академически образованный пианист обладает ослепительной техникой и врожденным чувством блюза. У него невероят-

но развитая интуиция, джазовое чутье, чувство партнера. В его музыке много пространства, и тем не менее свинг его плотен, гибок. Явно слышны отзвуки волшебной каталонской культуры. Это облагораживает его стиль созвучиями, тонко воспроизводящими мелизматику его родных мест. Он завоевал широкую мировую аудиторию и внимание ведущих продюсеров по праву. Разумеется, он не только блестящий солист, но и партнер. А его дуэт с Чиком Кория — блестящий пример джазовых объятий". Пятнадцать лет спустя Тете снова объединился с Чиком на Международном джаз-фестивале в столице Страны басков.

Приведу несколько высказываний Тете, опубликованных в те же годы в одном из джазовых журналов. Они актуальны и теперь, что подтвердил наш разговор с Монтюлиу, с которым я встретился за полгода до его смерти в Барселоне.

"Джазмен, не чувствующий блюза, — не джазмен".

"Блюз — это жизнь, а не музыкальная форма".

"Я думаю, что я негр, и, кажется, те, кто меня слушают, тоже так считают. Джаз — это борьба, переживание и тревога. Чтобы по-настоящему играть джаз, надо играть с черными музыкантами".

Тете говорил мне, что любил выступать с вокалистками. Жаль, что эта грань его творчества не отражена в дискографии. Из певиц он выделял Сару Воан и Аниту О'Дэй, с которой выступал в последние годы.

В 80-х за Монтюлиу закрепилась слава "каталонского чуда" и место рядом с тогда еще живыми мировыми легендами — Дали и Миро. Он издает все больше сольных пластинок, хотя не забывает о трио, заключает контракты с самыми престижными джазовыми фирмами мира "Soul Note" и "Concord". Последняя его конкордовская пластинка — "Испанское сокровище" ("Каталонский огонь" и "Каталонские народные песни" — уже были). Возможно, в самом названии заключен скрытый юмор. Мейнстримские пластинки "Конкорд" издаются для джазовых масс, и среднестатистический любитель вряд ли будет делить Испанию по этническим признакам... Но до последних дней Тете записывался и на маленьких барселонских фирмах.

Среди его последних партнеров по гастролям в Европе и Северной Америке — вибрафонист Бобби Хатчерсон, саксофонист Джонни Гриффин. В 1994 году ему рукоплескали Каир, Дамаск, Амман... К середине 90-х пианизм тяжело больного мастера (сердце, частичная глухота) уже не такой взрывной и ослепительный: он становится мудрым, философичным.

Рядом с ним в последние годы была его жена, верный друг и сподвижник Монсеррат Альбеа, сказавшая мне, что Тете — сын не только Каталонии, но всей Испании. В апреле 1997 г. Тете Висенс Монтюлиу получил правительственную премию Испании за заслуги в области джаза. И никому из лауреатов по другим номинациям не выпадало столько аплодисментов в Зале Конгрессов, как Монтюлиу.

Жаль, что наши поклонники джаза могут услышать Монтюлиу только на пластинках. Уйдя безвременно из жизни, он оставил не только живую музыку, но и любовь к людям. Не все его высказывания бесспорны. Но с одним из них нельзя не согласиться: "Джаз — это революция нашего века".

Александр КАССИС.
Барселона — Москва.

Монтюлиу Висенс

09.98